

821.161.1–3 Мамин-Сибиряк
+94(470.54–25)
+622.342(470.54)

Т. С. Чечвий

БЕРЕЗОВСКИЙ ЗАВОД НА СТРАНИЦАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Представлен краткий обзор художественных и публицистических произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, связанных с Березовским заводом: описание общего вида Березовского завода конца XIX в. в письмах «С Урала», история березовских золотых промыслов в очерке «Золотое гнездо», особенности ведения старательских работ и устройства золото-промывального завода, нравов жителей и характеров золотодобытчиков в очерках «В болоте» и «Зимняя вольница» и романе «Золото», сведения о ремеслах и демографии Березовского завода в очерк «Самоцветы».

Ключевые слова: Березовский завод, золото, история золотодобычи, березовские золотые промыслы, старатели, компания Асташева, гра-
нильщики.

T. S. Chechviii

BEREZOVSKY PLANT ON THE PAGES OF D.N. MAMIN-SIBIRYAK'S WORKS

A brief review of D. N. Mamin-Sibiryak's artistic and journalistic works related to the Berezovsky plant is presented: a description of the general view of the Berezovsky plant at the end of the 19th century in the letters «From the Urals», the history of Berezovsky goldfields in the essay «The Golden Nest», the peculiarities of prospecting works and the structure of the gold washing plant, the manners of the inhabitants and the characters of gold miners in the essays «In the Swamp» and «Winter Volnitsa» and the novel «Gold», information about the crafts and demography of the Berezovsky plant in the essay «Samotsveti».

Keywords: Berezovskiy plant, gold, gold mining history, berezovskiy gold mines, prospectors, Astashev's company, cutters.

Природа и люди Урала, их взаимосвязь и взаимовлияние – основная нить произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка. Березовские золотые промыслы писатель упоминает и описывает неоднократно. Описание общего вида Березовского завода запечатлено на страницах писем, опубликованных под названием «С Урала»: «Общий вид березовских построек довольно веселый, даже с известными признаками довольства, хотя настоящие большие избы все старинной постройки, а новые избышки чуть слеплены из тонкого жердяка. Исключением является десяток новых хороших домов по главным улицам, но эти дома уже совсем “на городскую руку”, а не на заводский манер, как строятся на всех уральских горных заводах <...> Самый веселый вид в Березовском заводе – это в центре с плотинки пруда. Налево площадь с красивым господским домом и тенистым садом, направо тоже площадь с каменной церковью посередине, сейчас под плотиной собственно “завод”, т. е. разные дробильные, толчейные и промывальные машины...» [Мамин-Сибиряк, 1967, с. 168]. Предваряет это живое описание очевидца довольно обширный экскурс в историю Березовских золотых промыслов, включающий статистические сведения по золотодобыче «из словаря покойного историка Чупина» [Там же, с. 167].

Д. Н. Мамин-Сибиряк серьезно изучал постановку горного дела на уральских и сибирских заводах. В конце 1880-х гг. он даже хотел заняться добычей золота, для чего намеревался взять в аренду золотоносные земли у башкир [Сапоговская, с. 204]. Друзья по «золотоприисковым странствиям» вспоминали, что он так «врос» в тему старательского промысла, что сам отмывал шлихи, снимал пробы, работал на бутаре [Зеленые горы, с. 331–332].

Результатом путешествий «в родной Висим, по многочисленным золотым и платиновым приискам, в близкий к Екатеринбург у золотой Березовск» [Стариков, с. 200] стала статья «Золотое дело», напечатанная в «Ирбитском ярмарочном листке» в 1884 г. Она открыла серию произведений, посвященных золотому делу на Урале.

9 января 1885 г. Дмитрий Наркисович под псевдонимом Баш-Курт опубликовал в газете «Новости и биржевая газета» очерк «Золотое гнездо»; в «Волжском вестнике» за 1885 г. – очерки «В болоте» (№ 3) и «Зимняя вольница» (№ 110–112), а в 1890 г. в журнале «Северный вестник» – очерк «Платина» (№ 10–12).

В очерке «Золотое гнездо» подробно описан Березовский завод. Называя поселение типичным «золотым гнездом», автор отмечает многочисленное количество напастей, свалившихся на участников березовского промысла. Кто здесь только не работал: «сюда сгонялся народ со всех сторон и записывался в горнорабочие» [Мамин-Сибиряк, 2007, с. 284]. Это были и рекруты, выслуживавшие здесь свой солдатский срок, и каторжные рабочие. Словом, «этнографический состав представляет довольно запутанную картину»: «Наши березовские, вообще, отличаются большой нервностью <...> Народ был все опытный и создал настоящий героический период в березовской истории, когда не столько разрабатывали золотоносные жилы, сколько тянули жилы из живых людей, избивая нещадно плетями и батогами, заключая в колодки и цепи и заживо гноя в застенках. Тогда были заложены первые основания для дальнейшей выработки березовской нервности» [Там же, с. 284–285].

Тяжелый каторжный труд и условия жизни людей на березовских приисках, описанные автором, вызывают содрогание: «Если про уральские горные заводы говорят, что они, как село скудельниче, купленное ценою крови, построены на костях человеческих, то это сказание к героическому периоду Березовска может быть применено сугубо... Палка, кнут и застенок служили этим неудобосказуемым немецким чинам единственным средством выбивать из березовской почвы жалкие золотые крохи, и в результате получилась не работа, а что-то вроде десяти египетских казней» [Там же, с. 285].

Жестокое время, когда за любую провинность судили военно-полевым судом. Каторга, взяточничество, легкость нравов, казнокрадство. Автор подчеркивает, что все это – прямое влияние каторги. Варварские, низменные отношения между рабочим людом и начальством порождали злобу и безнравственность у людей. Обыкновенные человеческие отношения не приветствовались.

Пристрастие к воровству и сокрытию истинной картины «начальством» автор подчеркивает особо: «Урал там, где речь касается горного дела, представляется настоящим царством канцелярской тайны, так что добыть самые невинные цифры представляется колоссальным трудом» [Там же, с. 288–289]. И, как результат, завышенная себестоимость березовского золота.

После отмены крепостного права золото в Березовском добывалось казенным способом, что тоже не уменьшило его стоимость. Отрядные артели работали повсеместно. Добывали как жильное, так и россыпное золото. Процветала организованная система воровства золота у государства, т. к. принимали золото у артелей в несколько раз дешевле, чем потом сдавали в государственную казну.

Конечно, добычей золота занималось не все население Березовского. Развивались и кустарные промыслы: кузнечное, столярное, сапожное, камнерезное ремесло. Гранильному и камнерезному промыслу на Урале Мамин-Сибиряк посвятил очерк «Самоцветы», в котором приведены интересные сведения о численности и демографии березовских гранильщиков из статистического сборника екатеринбургского земства о промыслах в Екатеринбургском уезде, вышедшего в 1887 г. под редакцией земского статистика П. Н. Зверева: «Вот цифры: в самом Екатеринбурге гранильным промыслом занимается 88 мужчин, 87 женщин, 38 мальчиков и 35 девочек; в Верх-Исетском заводе (от Екатеринбурга в 1 версте) 14 мужчин, 12 женщин, 8 мальчиков и 8 девочек; в Березовском заводе (12 верст от Екатеринбурга) 219 мужчин, 287 женщин, 161 мальчик и 187 девочек; наконец, в Мраморском заводе (40 верст от Екатеринбурга) 113 мужчин, 133 женщины, 105 мальчиков и 85 девочек. В общей сложности различной обделкой камня заняты 434 мужчины, 519 женщин, 312 мальчиков и 315 девочек. Из этих цифр, прежде всего, выступает перевес женской рабочей силы над мужскою: женщин работает больше, чем мужчин, на 85 человек, а девочек сравнительно с мальчиками – на 3 человека. Затем, взрослых занято обработкой камня 984 человека и детей 627 человек. Такое крупное преобладание женского и детского труда уже служит лучшим доказательством тех ненормальных условий, какими обставлен самый промысел, носящий характер кустарно-семейного производства <...> Во всяком случае, для березовского обывателя гранильный промысел не составляет серьезной статьи заработка и часто он бьется из-за хлеба на воду, но дело в том, что на месте других работ меньше, чем в городе, а упомянутым 854 душам принадлежит всего 111 десятин покоса, 43 лошади, 55 коров и 6 голов мелкого скота. Значит, здесь работает открытая всем четырем ветрам голая беднота...» [Мамин-Сибиряк, 1947, с. 313–315].

Из очерков Мамина-Сибиряка можно узнать и о состоянии образования в Березовском заводе: «На десять тысяч березовского населения приходится всего две школы – мужская на 90 мальчиков и женская на 90 девочек, и в то же время больше 20 кабаков» [Мамин-Сибиряк, 2007, с. 293].

В очерке «В болоте», имеющем подзаголовок «Из записок охотника», Д. Н. Мамин-Сибиряк с наблюдательностью натуралиста описывает заросшие озера Урала, опасные для путника: почва под ногами «колышется», нога иногда проваливается совсем. А над водой поднимаются тяжелые испарения. И еще один враг – болотная мошка и комары. Лето, жара, зной. И среди этих болот – неожиданная встреча с бабушкой-травницей и ее рассказ о Березовском заводе, тяжелом шахтерском промысле и жизни казенных людей: «В Березовском заводе тогда мы жили, настоящие, значит, березовские были, а в те времена, ух, как строго было... Казенные были, а тут начальство сторожит, потому и с начальства тоже спрашивали. Давно это, милушка, было, тогда еще тебя и в помине-то не завелось, – ну, вот и присылают к нам в Березовск одного начальника, Павла Лександрыча... А как прислали его, народ весьма взвыл, волком взвыл, потому больно строг был Павел-то Лександрыч. Из немцев он; ну, и все требовать зачал, чтобы по закону, а тогдашние-то порядки хуже смерти были... Да и работа эта в Березовске на промыслах была самая проклятушая: золото добывали по шахтам, в земле, милушка, робыли, как черви землю-то точили...Тяжелая была работа, ну, а начальство требует, а чуть что – сейчас палками... Нынче уж этого нет, а прежде у нас на промыслах за все палками мужиков колотили. Павел-то Лександрыч больно уж донял тогда весь Березовск: и работою, и своими порядками... Пробовали его подкупать, как других начальников, так куда тебе – приступу нет. Просто бедовенная беда, народу-то по приискам тыщи приколотились – все забедовали... И раньше начальство было, и взятки оно брало, сколько хотело, и вообще действовало не по закону, а жилось куда легче, чем при Павле Лександрыче; а он все по закону делал <...> Помаялись-помаялись наши мужики, а ведь тогда по-военному все было – везде солдаты стояли, казаки. Ну, старики, которые промеж себя поговорили, посоветовались и вырешили, что надо выручать мир, потому му всем петля на шею...» [Там же, с. 252].

Задобрить строгого неподкупного начальника «мир» решил старым проверенным способом: «подсунув» ему самую красивую девушку. То, что она была уже замужем, «мир» не особо волновало: «Баб разве спрашивают в этикие дела мешаться? <...> Конечно, по промыслам бабы везде балуются, а в Березовском это даже совсем нипочем, а мне-то стало обидно, што меня свои же в яму толкают. И вскинулась я на дедушку, так с кулаками над ним и хожу: “Ты, такой-сякой, чему меня учишь, а? Как у тебя, старого, язык повернулся?..” А он на меня. “Разве, – говорит, – я тебя из-за денег посылаю, глупая? Ежели, – говорит, – мир так порешил, потому как от Павла Лександрыча житья нет... Мир-то больше нас с тобой. Послужи миру-то, а твоей вины тут никакой не будет”. Я реветь, а дедушка смотрел-смотрел на меня, снял рубаху, повернулся спиной и говорит: “Смотри, дитяtko, какие у меня узоры-то нарисованы, да я не ревел, когда миру надо было послужить...” А спина у дедушки вся исполосована белыми рубцами, точно вот обожжена чем, и кости даже знать, где были измочалены палками... Это его палками наказывали, когда он еще в шахте робил и шахту затопил, потому ему тоже от мира наказ такой был. Ему за это за самое пятьсот палок и всыпали... Подневольный народ тогда был, замаяли подземной работой, вот мир и порешил шахту у начальства затопить, а дедушка в штегерях ходил – его и заставили...» [Там же, с. 252–253].

В этом небольшом рассказе, к сожалению, малоизвестном широкому кругу читателей, нравы и обычаи, характерные для заводских поселений Урала, представлены очень ярко и многое дают для понимания уклада жизни Березовского завода начала XIX в.

Д. Н. Мамина-Сибиряка живо интересовала и судьба крупнейшей на Урале Березовской компании, организованной в 1870-е гг. на месте бывших казенных промыслов. Очерк «Зимняя вольница», вошедший в 4-й том Полного собрания сочинений в 20 томах, не переиздавался с момента первой публикации в газете «Волжский вестник» в 1885 г. Это путевые заметки Дмитрия Мамина, составленные им во время поездки в марте 1985 г. в Березовский завод. Писателя интересовало, как ведутся зимние работы на промыслах, и он договорился с «одним знакомым золотопромышленником, Николаем Гавриловичем» [Там же, с. 266], успевшим сделать заявку на разработку участка в Монетной даче, на реке Пышме.

Из разговора со своим спутником Дмитрий Наркисович узнает, что, несмотря на «Устав о частной золотопромышленности», теоретически открывавший доступ к разработке золота «всем партикулярным людям, на практике обставился такими затруднениями, которые едва в состоянии перенести даже капиталисты средней руки, так что вся золотопромышленность теперь находится в руках наших богачей-кулаков, которые в состоянии побороть затруднения и за это получают сторицей с рабочих...» [Мамин-Сибиряк, 2007, с. 269].

Не имея средств самостоятельно заявиться на участки, простые старатели вынуждены работать на чужих приисках и сдавать золото по той цене, которую заблагорассудится назначить хозяину, работать на свой страх и риск, хотя «простые мужики-старатели в золотом деле знают гораздо больше образованных горных инженеров!» [Там же].

В итоге часто шахты, устроенные компанией Асташева на широкую ногу, оснащенные машинами по последнему слову техники, оказываются брошенными: «Перед самым Березовским заводом, налево от дороги стоит заброшенная Ильинская шахта, которая, говорят, стоила компании полмиллиона; около нее целая площадь завалена пустыми породами! Золота эта дорогая шахта не дала, как и другие компанейские шахты; теперь от нее остался всего один каменный корпус да высокая кирпичная труба – и корпус, и труба выкрашены нежной розовой краской, эмблемой юности и... не оправдавшейся надежды» [Там же, с. 273].

В этом очерке писатель подробно описывал виды работ на золоте: устройство шахт и разрезов, промывку песков на вашгерде, геологические особенности жильного и коренного золота.

А что же представлял собой сам Березовский завод, открывающийся глазам путешественника, едущего по тракту из Екатеринбурга? «...из-за зубчатой стены соснового леса открылась широкая, едва всхолмленная равнина, перечеркнутая в середине ничтожнейшей речонкой Березовкой.

Направо от селитьбы виднелась совсем голая “степь”, как называют у нас всякое открытое место, налево – тоже; редкий сосновый лесок топорщился только по окраинам, точно скверно выбритая борода. Масса бревенчатых домиков облепила оба берега Березовки и на заднем плане слилась в одну сплошную полосу; на этом сером фоне красиво выделялись две заводских церкви, толчейная фабрика и несколько хороших до-

мов с зелеными крышами. Ниже по течению р. Березовки расстилалась такая же пустыня, как и перед селеньем; один за другим вставали массивные бугры, едва тронутые жалкими остатками лесной поросли, точно они были посыпаны мелко нарубленной петрушкой» [Там же, с. 270].

На этих отвалах старатели «работали жилки» – кто семьями, кто артельно, а добытую кварцевую «жилку» сдавали на протолочку все тому же Асташеву, за немалые деньги, и сдавали золото в его же контору [Там же, с. 272]. С учетом всех вычетов рабочие получали в расчет в лучшем случае по 2 р. 50 к. за золотник, а компания Асташева это же самое золото в Екатеринбурге сдавала по 5 р. [Там же]. Для золотопромышленников это было выгодно.

На страницах романа «Золото», опубликованного в журнале «Северный вестник» в 1892 г., Мамин-Сибиряк повествует о жизни Березовского завода и деятельности компании Вениамина Ивановича Асташева (в романе представлен как генерал Мансветов). На примере литературного «генерала-невидимки» [Патрушев, с. 2] писатель представил специфичную прослойку реального золотопромышленного предпринимательства конца XIX в. Л. В. Сапоговская обозначила этот тип золотопромышленников как «акционеры и пайщики» – достаточно разнородное сообщество «представителей различных слоев общества, где принцы крови “сотрудничали” с мещанами заштатных городов <...> Но исторической справедливости ради надо сказать, что к генералу Асташеву это не имело никакого отношения, поскольку на этом человеке в значительной мере “держалась” компания практически до самой его смерти. Да и другие представители светского генералитета, обильно представленные в ряду пайщиков Березовской компании, во всяком случае на начальном этапе ее деятельности, проявляли, пожалуй, незаурядную активность (автора поразила, например, дотошная и дельная записка о состоянии дел лично побывавшего на Урале генерала К. И. Гершельмана). В целом же облик Березовской компании, довольно скоро отказавшейся, в лице своих акционеров, от громких планов постановки перспективного рудного дела и обратившейся к старательскому “легкому” россыпному золоту, довольно верно представлен писателем» [Сапоговская, с. 211].

Следы «литературной маски» Березовского завода в романе «Золото» подметил Ю. В. Шинкаренко: «Точны и зримы описания мельчай-

ших деталей добычи “проклянного” металла на Бальчуговском заводе. А за литературным Бальчуговским спрятан реальный Березовский завод. И догадаться об этом не сложно, ведь Маминым подчеркнута, что главная сила местных золотников – в добыче не жильного золота, а россыпного. Именно так было в Березовском. Березовский завод выдает себя многими деталями. Например, описанием толчеи. Толчея, на которой измельчался рудный кварц в Березовском заводе, отличалась от других бегунных приспособлений уральских промыслов. Чудное действо с отделением золота от кварца на амальгамированных ртутью листах проводилось уже с применением паровой машины. Прогрессу здесь способствовало мелководье речки Березовки (в романе она названа соответственно Бальчуговкой)» [Зеленые горы, с. 330].

Много переключек в названиях шахт и приисков: прииск Богоданка образован от существовавшего Благодатного, литературная «дача Рублиха» созвучна с реальной «Монетной» и т. д. [Там же, с. 331].

Один из главных героев романа «Золото» носит прозвище Шишка. В реальном Березовском заводе работала шахта Шишкаревская, а по улице Исаевой (переименованной в 1930 г. в ул. Свободы) в 1863 г., по левой стороне, стоял дом Ведениса Кишкина. Возможно, именно он стал прототипом деда Шишки [Янчурина, 2019, с. 143]. У деда Шишки в произведении фамилия как раз Кишкин. Герой Мамина-Сибиряка – завистливый, охочий до золота старик, при казенных промыслах живший как барин, а при частном владельце донельзя обнищавший. Он старается любым путем разбогатеть. Для Ведениса Кишкина золото в те времена, наверное, тоже было смыслом жизни. И это отношение к драгоценному металлу в Березовском заводе передавалось от поколения к поколению, как дома, имущество и усадебные участки.

Д. Н. Мамин-Сибиряк оказался свидетелем многих преобразований, касающихся добычи золота на уральских и сибирских приисках, и отразил их на страницах своих произведений.

Сам же Дмитрий Наркисович стал частью городских легенд, по крайней мере это касается города Березовского (бывшего Березовского завода). Так, одна из легенд гласит, что в Березовском заводе жил то ли родственник, то ли просто знакомый писателя – главный инженер Владимир Федорович Иванов (управляющий Березовскими золотыми про-

мыслами), в доме которого и останавливался писатель во время своих поездок [Янчурина, 1997, с. 2].

Однако в ходе изучения источников обнаружили весьма серьезные неувязки: очерки о золотодобыче в Березовском заводе увидели свет в 1885 г., а инженер Иванов получил назначение главноуправляющим промыслами только в 1892 г., но в это время Мамин-Сибиряк уже перебрался в Петербург, так что вряд ли они могли встретиться здесь в то время. А исследователю биографии писателя Н. М. Паэгле удалось найти такие сведения: «Первые месяцы [1877–1878 гг. – Т. Ч.] в Екатеринбурге Дмитрий целиком и полностью посвящает устройству своего быта. Ищет уроки, которые дает в разных семьях города, в том числе в преддверии экзамена занимается латинским языком с младшим сыном главного горного инженера Иванова, и, зарекомендовав себя с самой положительной стороны, удостоивается приглашения остаться его репетитором на будущий год. Собственно, этот факт его не очень радует, так как все дети Иванова слыли самыми ленивыми учениками во всей гимназии» [Паэгле, с. 219–220].

Не претендуя на документальную точность, художественные и публицистические тексты Мамина-Сибиряка дополняют наши представления о Березовском заводе начиная с деталей повседневной жизни и заканчивая представлением о мировоззрении его жителей в определенный исторический период. Для жителей Березовского эмоциональная история места важна не меньше, чем происходившие в нем реальные события.

Зеленые горы, пестрый народ. В поисках связующих нитей. По следам путешествий Д. Н. Мамина-Сибиряка / [автор худож. и публицист. текстов Д. Н. Мамин-Сибиряк; авторы очерков А. П. Черноскутов, Ю. В. Шинкаренко]. Екатеринбург : Сократ, 2008. 480 с. : ил.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Золото : роман ; В дороге : очерки и рассказы. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 448 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 704 с. : ил.

Мамин-Сибиряк Д. Н. С Урала. Письмо девятое / [публикация И. А. Дергачева] // Урал. 1967. № 10. С. 165–169.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск : Свердловское областное государственное издательство, 1947. 408 с.

Патрушев В. Асташев и К. // Березовский рабочий. 2002. 6 июня.

Паэгле Н. М. Дмитрий Мамин-Сибиряк. Екатеринбург : Сократ, 2017. 640 с. : 64 с. ил. (Жизнь замечательных уральцев).

Сапоговская Л. В. Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Урал. 2006. № 2. С. 204–212.

Старилов В. А. Жить тысячу жизней : повествование-хроника о жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. 384 с. : ил.

Янчурина Л. Л. «Золотая» ошибка // Березовский рабочий. 1997. 15 мая. С. 2.

Янчурина Л. Л., Гребенищикова Т. В. Старые улицы Березовского. Березовский : редакция газеты «Березовский рабочий», 2019. 198 с.